

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

Рассматривается вопрос о социально-культурных и институциональных основаниях политического режима в современной России. Автор исследует российскую политическую эволюцию в контексте вопроса о модернизации российского общества и приходит к выводу о том, что в условиях догоняющей модернизации в нашей стране сложилась модель «антисовременного общества». Именно неспособность отказаться от этой модели и определяет характер постсоветской политической трансформации.

Ключевые слова: авторитарный режим; российская модернизация; антисовременное общество; бюрократия.

Дискуссия об авторитаризме. На протяжении длительного времени в России не утихает дискуссия о пользе авторитаризма для нашей страны. Сторонники этой позиции утверждают, что проблемы и сложности посткоммунистической России в значительной степени обусловлены тем, что она не готова к демократии. Поэтому попытки демократических реформ деструктивны, ведут к социальному хаосу, разрушению государственности и политико-административному коллапсу. Выход, если придерживаться этой точки зрения, заключается в том, чтобы путем более или менее радикального «приостановления» демократизации стабилизировать положение в обществе, восстановить политический и административный потенциал российского государства, а затем снова (уже в новых, более благоприятных условиях) вернуться к программе демократического развития.

Оставляя на совести энтузиастов авторитарного проекта уверения во «временности» политической «заморозки» российского общества, спросим: обладают ли авторитарные политические системы позитивным общественно-историческим потенциалом? Современная дискуссия на эту тему имеет довольно давнее происхождение. В 1968 г. в своей книге «Порядок в изменяющихся обществах» Самуэль Хантингтон писал: «Самым важным из того, что отличает одну страну от другой в политическом отношении, является не форма правления, а степень управляемости. Демократические страны и диктатуры отличаются друг от друга меньше, чем отличаются те страны, политическая жизнь в которых характеризуется согласием, прочностью общественных связей, легитимностью, организованностью, эффективностью, стабильностью, от тех, где всего этого недостает. Соединенные Штаты Америки, Великобритания и Советский Союз имеют различные формы правления, но во всех трех странах правительство управляет» [1. С. 21]. Если признать подобную логику справедливой, то можно полагать, что в определенных общественно-исторических условиях авторитарные системы действительно могут быть полезны как средство восстановления всех тех сторон общественного порядка, которые, по мнению Хантингтона, необходимы для достижения состояния «управляемости».

В пользу такого предположения как будто говорит и опыт успешной модернизации некоторых азиатских стран (Южная Корея, Сингапур, Китай и др.), а также практика преодоления последствий масштабного социально-экономического и политического кризиса в Чи-

ли, спровоцированного социалистическими экспериментами правительства Альенде [2. С. 189–190]. Многие говорят также и об опыте социально-экономических преобразований в СССР, превративших «отсталую дореволюционную» Россию в «мощную индустриальную державу» современного типа. Допуская, что в этих случаях авторитарная стратегия развития оказалась более или менее результативной, зададимся следующим вопросом: может ли эта стратегия оказаться эффективной в условиях современной России?

Антисовременное общество. Прежде всего, следует критически отнестись к тому позитивному образу «эффективных авторитарных» обществ, который предстает в разного рода апологиях авторитаризма, предлагаемых как с идеологических, так и с технократических позиций. Мифологемы авторитарного порядка, стабильности, социальной гармонии и эффективности соответствуют действительности лишь в незначительной степени (особенно если это касается советского варианта этого способа организации общественно-политической жизни).

В то время, когда Хантингтон столь благосклонно писал об «управляемой диктатуре» в СССР, надежная информация о реальной социальной, экономической и политической ситуации в нашей стране была недоступна не только экспертам на Западе, но даже и советскому политическому руководству. Такой информации просто не существовало. Поэтому исследователям приходилось опираться на более или менее субъективные интерпретации известных фактов, эмпирические экстраполяции и т.п. С высоты нашего исторического опыта мы можем констатировать, что действительное положение дел в советском обществе было иным. Ригидность системы тоталитарного политического руководства и командной экономики, ориентация на отвлеченные идеологические цели постепенно привели к появлению целого ряда острейших политических и социально-экономических проблем, которые в конечном счете и обусловили распад СССР.

За фасадом социально-политической стабильности скрывалась картина растущего напряжения. Лояльность по отношению к режиму и официальной идеологии подвергалась глубинной эрозии, порождая равнодушие и циничный конформизм в одних ситуациях, критику и протест — в других. Социально-экономические сдвиги и элементы общественного плюрализма, появившиеся в условиях пост-сталинской («неототалитарной») либерализации и относительной

внешней открытости, формировали возрастающий объем ожиданий и запросов, удовлетворить или даже адекватно воспринимать которые в рамках существующей системы становилось все более и более сложно. А предпринимавшиеся попытки восстановить легитимность режима ограничивались растущей неэффективностью экономики и системы государственной администрации [3].

История продемонстрировала социально-культурную и институциональную неспособность советской системы соответствовать запросам развития в условиях современного общества. Это произошло несмотря на то, что программа «коммунистического строительства» в СССР и других странах «реального социализма» на протяжении довольно длительного времени воспринималась как альтернативный (по сравнению с западным) вариант модернизации и развития. В связи с этим уместным будет поставить вопрос о том, в какой степени советское общество было модернизировано? Насколько созданные в Советской России система коммунистической политики и государственная администрация соответствовали институциональной и социально-культурной логике современного общества?

На деле так называемая «степень модернизации» любого общества означает очень сложное социальное состояние, сочетающее в разной пропорции современные, досовременные и антисовременные черты общественного устройства. В России это сочетание приобрело особенно причудливый характер. Вероятно, институциональную и культурную сложность итогов российской модернизации можно объяснить не только «цивилизационными» особенностями российского социума, но также и продолжительностью этого исторического движения. Более трех столетий в драматичных противоречиях любви-ненависти Россия шла по этому пути. Восхищение социальными и культурными достижениями Запада, его военной мощью и экономической эффективностью уживалось с неприятием внутренней социально-культурной и институциональной логики западного общества. В результате складывается такое положение дел, когда заимствованные институты образуют лишь внешнюю сторону общественной организации, своего рода фасад, выдержанный в духе модернизации и скрывающий общество, которое современным назвать можно лишь с существенными оговор-

ками. В действительности в большей степени здесь будет уместным другой термин – *антисовременное* общество.

Антисовременное общество формируется в той ситуации, когда реализация западной модели общественного развития воспринимаются как чуждая по существу, но «полезная» с точки зрения практических последствий ее решения задача. В условиях такого исторического конфликта создаются альтернативные варианты модернизации, предполагающие институциональные и социально-культурные формы, которые должны как-то «иначе» обеспечить достижение состояния современности. Нужно иметь в виду, что появление альтернативных проектов модернизации никогда не является чисто «технической» проблемой, так сказать, академически поставленным вопросом о том, существуют ли иные, помимо западного «мейнстрима», варианты «вхождения» в современность. Альтернативные проекты возникают в контексте «догоняющей модернизации», когда *столкновение* с западной цивилизацией порождает в данном обществе социально-культурное напряжение, своего рода культурный шок. Это значит, что общество не просто «технически» не готово стать современным – оно *не хочет* принимать чуждые цивилизационные формы. Антисовременное общество – это результат «бунта против современности» [4].

В результате складывается институциональная и культурная среда, которая, по необходимости отказываясь от традиционного уклада, пытается «притвориться» современной, как-то приспособиться к новым историческим задачам. Ее черты, применительно к итогам коммунистических преобразований в нашей стране, обобщены в табл. 1 и 2. Разумеется, «отказ» от досовременного уклада не является окончательным. Но главное в антисовременном обществе состоит не в сохранении того, что часто называют «пережитками» досовременной эпохи, а в деформации заимствованных институтов. Деформированные институты образуют внутренне противоречивую ткань социального действия, в которой заимствованные образцы становятся лишь поводом для социально-культурной имитации. Именно социальные практики и культура имитационной деятельности и составляют подлинное содержание институтов антисовременного общества.

Современное и антисовременное общество: сравнение¹

Таблица 1

Черты современности	Черты «антисовременности»
Урбанизация.	Мобилизационный характер урбанизации (города как конгломераты «заводских поселков»).
Индустриализация.	Относительно высокий уровень социальной маргинальности.
Определенные успехи в научно-техническом развитии.	Относительно невысокий уровень экономического развития и общественного благосостояния.
Сравнительно высокий уровень мобильности.	Низкий уровень производительности и экономической эффективности в целом.
Сравнительно высокий уровень образования.	Негативное отношение к инновациям.
Создание масштабной системы социальной защиты.	Негативное отношение к любым формам общественного плюрализма.
Создание системы массового политического участия.	Акцент на экстенсивном развитии.
Формирование обширного комплекса ожиданий по отношению к правительству (государству)	Низкий уровень государственно-административной эффективности.
	Политическое участие мобилизационного типа.
	Уничтожение гражданских и политических прав и свобод.
	Разрушение гражданской ответственности.
	Разрушение основ гражданского общества.
	Отсутствие системы правления права

Современное и антисовременное общество: сравнение (продолжение) [5]

Компоненты общественной структуры	Современное общество	Антисовременное общество
Деятельность	Сложная	Сложная
Сигналы	Цены и законы	Правила, политика, взятки и личные контакты
Открытость	Прозрачность	От относительной прозрачности до непрозрачности
Правовой уровень	Да	Жесткость, модифицированная неисполнением
Причины и следствия	Прогнозируемы	Непрогнозируемые
Результаты деятельности	Действенные	Недейственные
Эффективность	Да	Нерегулярная

Институциональная логика советского режима: верховная власть и бюрократия. Внутреннюю противоречивость анти-современной институциональной системы можно истолковать в терминах разрыва между структурами формальных, декларативно принятых институтов и неформальных институтов, существующих в виде сложных и многообразных практик политического патронажа, коррупции, теневой экономики и иных сетей клиентелистского взаимодействия [6]. Формальные институты в контексте антисовременного советского общества носили преимущественно фиктивный характер, и только невнимательному наблюдателю они могли показаться реальной фактурой общественной жизни. Подлинная общественная реальность в гораздо большей степени была связана с функционированием неформальных институтов. Система неформальных институтов, с одной стороны, позволяла трансформировать (и освоить таким образом) чуждые формы социального действия в духе привычных способов поведения и общения, а с другой – помогала снизить общественные и индивидуальные издержки, вызываемые недейственностью формальной структуры.

Одним из наиболее ярких проявлений анти-современного характера коммунистического общества была организация системы государственного управления. Здесь крылось существенное противоречие. С одной стороны, коммунистический тоталитарный проект общественных преобразований предполагал формирование максимально централизованной структуры общественного взаимодействия, создаваемой путем устранения институтов рыночного регулирования экономики, политического плюрализма, иных форм автономного социального действия. Координация работы такой общественной структуры требовала создания беспрецедентной по своим масштабам системы публичного управления. Именно этот институт должен был, по логике вещей, сыграть ключевую роль в осуществлении проекта коммунистической модернизации. С другой стороны, коммунистическая теория (в ее большевистском, ленинском варианте) включала в себя положение о том, что государство (как машина классового господства и подавления) в новых условиях исчезнет. Предполагалось, что освобожденное от социально-экономических противоречий капитализма, пронизанное духом нового гуманизма и энтузиазмом общество «естественным» образом, спонтанно найдет необходимые формы самоорганизации и самоуправления.

На отвлеченно идеологическом уровне существовало стремление устроить систему государственной администрации в духе прорыва к современному обществу – на рациональных началах «научного менеджмента» и планирования. Этот мотив стал неотъемлемой

частью советской административной идеологии (или мифологии) и в 1960-е гг. пережил свое возрождение на фоне лозунгов «научно-технического прогресса» и т.п. Разумеется, все это модернизационное прекраснодушие имело мало общего с действительным положением дел. В реальности тоталитарная программа общественных преобразований привела к тотальному огосударствлению общественной жизни, к формированию традиционной для России бюрократической системы и бюрократизации общества в целом [7].

Основными политическими характеристиками этой системы были подчиненность бюрократии партийному (политическому) руководству и отсутствие всякого гражданского контроля над ее деятельностью. В новых исторических условиях были воспроизведены, как полагают многие, архетипические черты российской политической традиции, а именно – доминирование в политической системе двух институтов: персонифицированного политического руководства («Русской Власти») и бюрократии [8–10].

В принципе, бюрократия отводилась роль послушного инструмента в руках верховной власти. Бюрократия была призвана консолидировать, поддерживать соответствующий режим политического господства. Однако на деле она приобрела социальные и политические свойства, выходящие за рамки этой задачи. Бюрократия сама оформилась в подлинно политическое сословие, которому в обмен на лояльность были предоставлены весьма широкие властные полномочия по отношению к обществу. Возникли (вернее, пережили «реставрацию» в советском социально-политическом контексте) сложная система социальной стратификации (так называемая «сталинская рестратификация») и сеть неформальных институтов, которые определяли характер взаимодействия бюрократии и ее политических господ, с одной стороны, а также механизмы внутрибюрократического взаимодействия и «технологии» консолидации ресурсов (своего рода систему «неофеодального кормления») – с другой. Основными компонентами неформальной институциональной структуры в советском обществе были политический патронаж, разные формы клиентелизма и коррупции [11–13]. Таким образом, сформировался политический режим, обеспечивающий господство коммунистических лидеров и предполагающий особый порядок политической взаимозависимости, в котором бюрократия являлась ключевой опорой авторитарной верховной власти. Бюрократическая лояльность, в свою очередь, была обусловлена способностью и желанием политического руководства поддерживать «неофеодальный» порядок, предоставляющий бюрократии политические и социально-экономические преимущества.

Горбачевская перестройка как неудачный опыт авторитарного реформирования. Попытка реформ, предпринятая М.С. Горбачевым, подвергла сложившийся режим серьезному испытанию. По сути дела, на повестку дня в очередной раз был поставлен вопрос о программе модернизации. Однако признать, что всякие попытки осуществить этот исторический прорыв альтернативным, не-западным (антисовременным), а значит, и недемократическим путем являются бесперспективными, означало бы для коммунистического руководства политическую капитуляцию. Поэтому вновь речь шла о модернизации в контексте авторитарной политики, но в каком-то новом, «улучшенном» варианте.

Поиски этого варианта шли в пределах авторитарной либерализации, то есть в направлении мер, которые должны были несколько расширить экономические и политические права граждан. Такие меры, как предполагалось, помогли бы сделать коммунистическую систему более легитимной (политически открытой) и повысить уровень ее социально-экономической и административной эффективности, не затрагивая ее политических основ. В соответствии с правилами авторитарной модернизации, реализация этой институциональной перестройки была поручена самой бюрократии. Не желая отказаться от основ коммунистической системы, советское руководство по-прежнему видело в бюрократии ключевого политического агента. Но бюрократия не была способна, да и вовсе не хотела собственными руками разрушить порядок, который обеспечивал ей участие в системе авторитарного политического господства и эффективный контроль над общественными ресурсами. Неизбежным результатом в такой ситуации стал раскол между бюрократией и политическим руководством. Целостность режима, посредством которого верховная власть добивалась консолидации своего политического авторитета, была нарушена.

Для политического руководства одним из возможных выходов из создавшегося положения была политика реальной демократизации «сверху». Такая политика устранила бы традиционный режим взаимозависимости верховной власти и бюрократии. Правящая группа получила бы возможность провести институциональное преобразование общества и в то же время сохранить власть, правда, ценой отказа от коммунистического авторитаризма. Однако коммунистические лидеры не смогли сделать этот выбор в пользу полной открытости. В результате они оказались в крайне противоречивом положении. С одной стороны, сохранение коммунистической системы требовало достижения двух взаимообусловленных целей – укрепления ее легитимности и повышения уровня социально-экономической эффективности. Успешное решение этих задач было связано с поддержкой со стороны бюрократии. С другой стороны, для того чтобы добиться этого, необходима была глубокая институциональная перестройка советской политической и административной организации, что наносило огромный урон позициям этого «сословия». Такое противоречивое положение не могло не закончиться политическим провалом.

Реформы Горбачева были восприняты бюрократией как угроза ее общественно-политическому положению.

Допущение (даже в весьма ограниченных масштабах) экономического плюрализма и политической открытости, ориентация на ценности эффективного управления вступили в противоречие с институциональной логикой ее деятельности. В условиях советской системы проблемы административной эффективности и гражданского контроля над деятельностью бюрократии имели отношение к формальной, внешней стороне системы, своего рода квазимодернизационной оболочке, прикрывавшей антисовременную институциональную «начинку». Поэтому постановка вопроса о необходимости добиваться подлинной социально-экономической и административной эффективности и ответственности бюрократии перед обществом, в сущности, означала выдвижение лозунга о необходимости заменить антисовременную институциональную логику коммунистической бюрократии логикой функционирования действительно современных институтов, устроенных на демократических началах.

В принципе, если попытаться истолковать сложившееся положение в терминах теории коллективного действия, бюрократия могла бы выбрать один из двух наиболее вероятных поведенческих сценариев. Первый – относительно альтруистичный – сценарий мог предполагать ориентацию на сотрудничество с политическим руководством и с другими членами бюрократического сословия в целях сохранения основ коммунистической системы и соответствующего политического режима. Он должен был быть связан с определенным (может быть даже значительным) и носящим солидарный характер самоограничением бюрократии. Это самоограничение должно было затронуть ее политический статус (введение определенных форм, обеспечивающих более высокий уровень гражданской ответственности) и используемые ею неформальные практики извлечения ресурсов (снижение уровня коррупции). Возможно, при определенных обстоятельствах это могло бы действительно привести к достижению модернизационных целей и стабилизации режима. Реализация такого сценария предоставляла единственно возможный шанс сохранить коммунистическую систему (пусть даже в более или менее трансформированном виде).

Второй – эгоистичный – сценарий предполагал отказ от сотрудничества с верховной властью на основе вывода о политической обреченности реформаторского курса, а главное – его абсолютной бесполезности для самой бюрократии. В рамках этого сценария акторы считают рациональным, отказавшись от логики сотрудничества, действовать исключительно в своих собственных интересах, пытаясь в условиях углубляющейся дезорганизации институциональной структуры извлечь максимальную выгоду для себя лично. Такое поведение можно описать при помощи так называемого «эффекта бегства клиентов из банка». Подобный эффект возникает в ситуации, когда все клиенты того или иного банка стремятся забрать из него свои вклады при первом известии о проблемах, с которыми столкнулся банк. Эти люди считают неразумным потерпеть и дать руководству банка возможность попытаться исправить положение дел. Естественно, такой банк стремительно разоряется.

В реальных условиях позднесоветской истории был реализован второй сценарий. Бюрократия отказалась поддержать реформаторские усилия политического руководства [14]. Началось разрушение советского политического режима и коммунистической системы в целом, обусловленное стремительно углублявшимся социально-экономическим кризисом, кризисом неуправляемости и обвалом легитимности, который, в значительной степени, был вызван все возрастающим потоком социально-экономических и политических требований, нашедших выход в условиях горбачевской либерализации. Итогом этого процесса, как известно, стал август 1991 г.

Постсоветский цикл политического развития: от неопределенности к новому авторитарному проекту модернизации. После распада СССР Россия вступила в период общественно-политической «неопределенности» [15–17]. Поиски способов выхода из этого состояния и составили содержание нового цикла новейшей отечественной истории. Одна из наиболее существенных характеристик постсоветского политического развития состояла в том, что повестка дня реформ, инициированных новым политическим руководством, была в значительной степени лишена собственно политической составляющей. Президент Ельцин и его советники основную задачу общественных преобразований видели в том, чтобы трансформировать экономическую систему, доставшуюся России по наследству от СССР, осуществить переход от командной экономики к экономике рыночного типа. Задача демократизации, то есть целенаправленного выстраивания институтов демократической политики, была, по сути дела, проигнорирована. Таким образом, Борис Ельцин потерял исторический шанс изменить логику российской институциональной традиции на рубеже коммунистической и посткоммунистической эпох, в точке «сочленения» периодов российской истории².

Здесь не место подробно говорить о том, почему это произошло. Возможно, в том, что задача экономических преобразований была выдвинута на первый план, можно видеть традиционно «экономический» (т.е. ориентированный прежде всего на достижение внешних материальных результатов) уклон любого реформаторского (модернизаторского) проекта в России. Еще более весомым объяснением будет фактор преобладания элитных групп в условиях российского перехода. Слабость доперестроечной оппозиции и относительная скоротечность разложения советской системы обусловили то, что в новой России политическое руководство было сформировано главным образом за счет выходцев из реформаторского крыла партийного руководства и партийной интеллигенции. Эти люди не стремились к радикальным политическим реформам, которые, как предполагалось, должны были произойти как бы сами собой, в результате крушения старых коммунистических институтов, экономических перемен и общей либерализации, связанной с предоставлением широкого круга политических прав и свобод. По-настоящему насущной политической задачей виделась только одна – консолидация режима личной власти президента. Именно с поисками институциональных форм решения

этой проблемы по преимуществу и были связаны усилия нового политического руководства.

Тем временем, в рамках постсоветской демократизации действительно существовал широкий спектр политических проблем. Одной из наиболее острых в их числе, как отмечают многие исследователи, была так называемая проблема «построения государства». Какое значение термина «государство» в данном случае имеется в виду? Во-первых, новая политическая система должна была быть оформлена в контексте целостного политического сообщества. Во-вторых, в ее рамках должна была сформироваться совокупность эффективных правительственных институтов. Задачи сохранения целостности российского государства и укрепления его административной эффективности могли лечь в основу повестки дня масштабного институционального строительства сразу после августа 1991 г. Такая повестка дня включала бы немедленную разработку и принятие новой российской конституции, проведение выборов парламента и региональных органов власти, выстраивание системы отношений между Центром и регионами (федеративных отношений), партийное строительство, осуществление комплекса административных реформ и т.п. Но, как мы уже говорили выше, этого не произошло.

Вместе с тем, все эти задачи были связаны с действительно насущными общественными проблемами и настоятельно требовали своего разрешения. Нужно было каким-то образом устанавливать отношения между Центром и регионами. Нужно было поддерживать хотя бы минимальный уровень управляемости. В противном случае общественно-политический кризис, который стал бы неизбежным результатом накопления противоречий в этих сферах, грозил смести новое политическое руководство. Именно в таком ключе и была воспринята данная проблематика. Вопрос о политической демократизации как о фундаментальной институциональной перестройке был подменен вопросом о консолидации режима личной власти президента и его окружения.

В качестве инструмента консолидации была выбрана стратегия поиска компромиссов и заключения сделок между верховной властью и наиболее значимыми политическими акторами – региональными лидерами и элитными группами в регионах, крупным бизнесом («олигархами») и бюрократией. В общем, можно говорить о том, что такая политика оставалась в рамках модели квазидемократической либерализации, которая большинством воспринималась как действительная демократизация. Результатом применения такой стратегии стал чрезвычайно шаткий баланс сил, непрочность которого стала более чем очевидной в последние годы второго президентского срока Бориса Ельцина. Политическая неустойчивость сложившегося режима дополнялась и его социально-экономической неэффективностью.

Финансовый кризис 1998 г. отчетливо выявил все эти напряжения. Основным содержанием общественно-политической дискуссии стала проблематика «сохранения российского государства», преодоления центробежных тенденций и административного бессилия. Именно в этой ситуации возникает фигура В. Путина.

Внезапность его появления обусловила постановку знаменитого вопроса о том, кто же такой мистер Путин? Этот вопрос мог быть отнесен не только к обстоятельствам его биографии, перипетиям карьеры и особенностям личностного склада, но также и к тому, принес ли он с собой какое-то особое видение общественного и политического развития России.

Вначале представлялось, что, возможно, новый президент является более или менее пассивным носителем определенного электорального образа, составленного политтехнологами из старой кремлевской команды в терминах общественных ожиданий о «порядке» в обществе, о преодолении кризиса в отношениях между Центром и периферией [18] и т.п. Однако со временем, как нам кажется, определились черты политической философии, исповедуемой нынешним политическим руководством России. Впрочем, термин «политическая философия» употребляется здесь с большой долей условности. Скорее, следует говорить о некоей «ментальности», то есть совокупности социальных и политических убеждений и эмоций, которая, не будучи сколько-нибудь отчетливо осознана и артикулирована, тем не менее, задает общие рамки поведения носителей верховной власти и общий вектор политического развития российского общества. Наиболее значимыми компонентами этой ментальности являются идея «укрепления или восстановления российского государства», стремление к тому, чтобы вернуть России былую военную мощь и политическое значение в мире. Все эти весьма неопределенные и подчас противоречивые лозунги, по существу, представляют собой не что иное, как попытку сформулировать еще один модернизационный проект. Здесь мы не будем подробно говорить о содержании и качестве этого проекта. Отметим только две вещи. Прежде всего, следует сказать, что этот проект был выдержан в традиционном для России анти-современном духе. Во-вторых, нас будет интересовать выбор политической стратегии его реализации.

Б. Ельцин и его советники, как мы уже говорили, игнорировали политические задачи демократизации. Тем не менее, негативные последствия этой политики были поставлены в вину демократии. Путин, в принципе, имел возможность выбрать вариант осуществления подлинной демократизации, в соответствии с положением о том, что лучшее лекарство от общественных недугов, вызванных недостатком демократии, — это демократия в еще больших дозах. Некоторые наблюдатели были склонны рассматривать его деятельность в течение первых двух лет после триумфального избрания в 2000 г. именно как период преодоления негативных последствий ельцинского периода, необходимый для того, чтобы вернуться к задачам демократизации на новой, более стабильной основе. Однако достаточно быстро стало очевидным, что Путин выбрал другую — авторитарную — стратегию развития. Для нашего рассмотрения важно попытаться увидеть социально-политические результаты этого выбора, который следует считать не просто фактом индивидуальной биографии Владимира Владимировича Путина, но также и историческим выбором всего российского общества [19].

Авторитарный политический поворот повлек за собой существенные перемены в организации режима верховной власти. Второй российский президент отказался от политики шаткого равновесия, существовавшего в контексте институциональной неопределенности и поддерживаемого практикой сделок и компромиссов. В то же время он отказался и от перспективы институционализации демократической политики. В. Путин вернулся к более традиционному для России способу консолидации власти, предполагающему политическую централизацию авторитарного типа и опору на бюрократию.

Ведущие политические акторы эпохи Б. Ельцина — «олигархи» и региональные лидеры — не вписывались в образ нового режима верховной власти. Для него вновь единственной опорой, союзником и инструментом общественного развития стала бюрократия. На фоне институциональной неопределенности ельцинского режима бюрократия была второстепенным политическим актором. Впрочем, и в этом качестве она сумела сохранить важные социальные и экономические позиции в структуре российского общества. Во многом это произошло благодаря тому, что не была затронута та неформальная институциональная ткань, которая в свое время обеспечивала политическое влияние и материальное благополучие советской бюрократии. Более того, в условиях переходной экономики, а также отсутствия сколько-нибудь эффективных стратегий строительства политических и административных институтов демократического типа эта институциональная структура, составленная на основе отношений патронажа, клиентелизма и коррупции, стала еще более масштабной и всепроникающей [11, 20, 21].

Проект авторитарной модернизации возвращает бюрократии особый общественно-политический статус — статус, определяемый логикой ее традиционных отношений с верховной властью и обществом. Снижение политической роли «олигархов» и возрастающее давление на региональных лидеров делают бюрократию чрезвычайно важным игроком на политическом поле. Это открывает ей еще более широкий доступ к механизмам контроля над экономикой, поскольку, как известно, особый тип российского капитализма предполагает прямую конвертацию власти в богатство [22]. Начавшийся делом «ЮКОСа» передел собственности и рекрутирование нового «призыва олигархов» из среды близкой к президенту бюрократической элиты свидетельствовали об этом как нельзя лучше.

Президентский срок Д. Медведева (время правления «тандема») ничего не изменил в сложившейся режимной конструкции [23]. Несмотря на провозглашенную программу модернизации, которая предполагала открытие возможностей для инновационного развития во всех сферах российской общественной жизни, никаких серьезных институциональных сдвигов не произошло. Политические возможности младшего из двух «тандемократов» не позволили ему принять никаких сколько-нибудь серьезных мер, позволяющих нарушить политическую и социальную монополию бюрократии, чтобы сделать российский режим более открытым.

Заключение. Таким образом, в российских условиях авторитарная программа почти неизбежно приводит к

воспроизведению традиционной системы политическо-го господства верховной власти и бюрократии. Любой возникающий на этой основе режим поддерживает анти-современные структуры социального взаимодействия и оказывается неспособным решать задачи современного развития. Простые аналогии с «успешными» случаями реализации авторитарной стратегии оказываются несостоятельными, так как характеристики режимных акторов (сил), участвовавших в формировании «эффективных» латиноамериканских или азиатских диктатур, разительным образом отличаются от того, что мы наблюдаем в нашей стране. Так, важнейшим условием, позволяющим «выживать» авторитар-

ным системам, является наличие не только сплоченной, пронизанной духом общественного призвания и пользующейся авторитетом в обществе элиты, но также и эффективной бюрократии [10]. Ни российская верховная власть, ни российская бюрократия не отвечают этим требованиям. Постоянное их доминирование ведет к циклическому воспроизведению и углублению проблем общественно-исторического развития [24]. Выход из этого порочного институционального круга видится в переходе к подлинной демократизации – отказу от практики имитации современных общественно-политических институтов в пользу действительно современной структуры общественного взаимодействия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обобщенную модель современных обществ, сформированную на основе обзора обширной литературы по модернизации, см. в [20].

² Термин «исторические сочленения» используется в работах, связанных с одним из направлений «нового институционализма» – так называемым «историческим институционализмом» (см.: [25]). Он означает состояния институциональной неопределенности, которые возникают на сломех исторических эпох и предоставляют возможность формировать новую институциональную перспективу, преодолевая порочный круг зависимости от старой институциональной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хантингтон С. Политический порядок в изменяющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
2. Palmer M. Political development: dilemmas and challenges. Itasca, Ill.: F.E. Peacock Publishers Inc., 1997. 315 p.
3. Dallin A. Causes of the Collapse of the USSR // Post-Soviet Affairs. 1992. Vol. 8, № 4. P. 279–302.
4. Rose R. Living in an Antimodern Society // East European Constitutional Review. 1999. Vol. 8, № 1–2. P. 68–75.
5. Lipset S. Consensus and conflict: essays in political sociology. New Brunswick: Transaction Books, 1985. 375 p.
6. Lauth H.-J. Informal institutions and democracy // Democratization. 2000. Vol. 7, № 4. P. 21–50.
7. Ryavec K. Russian bureaucracy: power and pathology. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield Pub., 2003. 283 p.
8. Пивоваров Ю. Русская политическая культура и political culture // Pro et Contra. 2002. Т. 6, № 2. С. 23–50.
9. Баталов Э. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. 2002. Т. 6, № 2. С. 7–22.
10. Шевцова Л. Как Россия не справилась с демократией // Pro et Contra. 2004. Т. 8, № 3. С. 36–55.
11. Ledeneva A. Russia's economy of favours: blat, networking and informal exchange. Cambridge: Transaction Books, 1985. 233 p.
12. Lovell S., Ledeneva A., Rogachevskii A. Bribery and blat in Russia: negotiating reciprocity from the Middle Ages to the 1990s. N.Y.: St. Martin's Press, 2000. 295 p.
13. Willerton J. Patronage and politics in the USSR. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1992. 305 p.
14. Solnick S. Stealing the state: control and collapse in Soviet institutions. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998. 337 p.
15. O'Donnel G., Schmitter K. Transitions from authoritarian rule. Tentative conclusions about uncertain democracies. Baltimore; London: John Hopkins University Press, 1986. 81 p.
16. Гельман В. Как выйти из неопределенности? // Pro et Contra. 1998. Т. 3, № 3. С. 21–39.
17. Гельман В. Трансформации и режимы. Неопределенность и ее последствия // Гельман В., Рыженков С., Бри М. Россия регионов: трансформация политических режимов. М.: Весь Мир, 2000. С. 16–55.
18. Trogen P., Felker L. Regionalization in Russia, paper presented to the // SECOPA'98. January 21–23. 1998.
19. Sakwa R. Putin: Russia's choice. 2004. N.Y.: Cambridge University Press, 1998. 338 p.
20. Афанасьев М. Клиентелизм и российская государственность. М.: Московский общественный научный фонд, 1997. 301 с.
21. Афанасьев М. Российская Федерация: слабое государство и «президентская вертикаль». URL: <http://www.polit.ru/research/2004/10/18/afanasiev.html>
22. Перегудов С., Лапина Н., Семененко И. Группы интересов и российское государство. М.: УРСС, 1999. 352 с.
23. Виноградов М. Наступит ли «медведевская оттепель»? // Pro et Contra. 2008. Т. 12, № 5–6 (43). С. 63–74.
24. Гончаров Д. Структура территориальной политики // Полис. 2012. № 3. С. 63–74.
25. Thelen K, Steinmo S. Historical Institutionalism in Comparative Politics // Structuring Politics. Cambridge, 1992. P. 1–32.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 29 октября 2012 г.